

Полковникъ ЕЛИСЬЕВЪ.

ГЕНЕРАЛЪ ЭЛЬМУРЗА АСЛАМБЕКОВИЧЪ МИСТУЛОВЪ,

КОМАНДУЮЩІЙ ВОЙСКАМИ ТЕРСКАГО ВОЙСКА
въ 1918 году.

(Ко дню 35-ти лѣтія его трагической смерти, 1918 - 1953 г.г.)

Генераль **МИСТУЛОВЪ**, Эльмурза Асламбековичъ, Терскій казакъ.
Снятъ въ чинѣ Полковника и въ должности Командира
1-го Кавказскаго полка Кубанскаго казачьяго Войска,
подъ Карсомъ въ 1916 году, ровно за 2 года
до своей трагической гибели.

Полковникъ ЕЛИСЬЕВЪ.

ГЕНЕРАЛЪ ЭЛЬМУРЗА АСЛАМБЕКОВИЧЪ МИСТУЛОВЪ,

КОМАНДУЮЩІЙ ВОЙСКАМИ ТЕРСКАГО ВОЙСКА
въ 1918 году.

(Ко дню 35-ти лѣтія его трагической смерти, 1918 - 1953 г.г.)

Генераль **МИСТУЛОВЪ**. Эльмурза Асламбековичъ, Терскій казакъ.
Снятъ въ чинѣ Полковника и въ должности Командира
1-го Кавказскаго полка Кубанскаго казачьяго Войска,
подъ Карсомъ въ 1916 году, ровно за 2 года
до своей трагической гибели.

**ГЕНЕРАЛЬ ЭЛЬМУРЗА АСЛАМБЕКОВИЧЪ МИСТУЛОВЪ,
КОМАНДУЮЩІЙ ВОЙСКАМИ ТЕРСКАГО ВОЙСКА ВЪ 1918 ГОДУ.**

КО ДНЮ 35-ТИ ЛѢТІЯ ЕГО ТРАГИЧЕСКОЙ СМЕРТИ, 1918-1953 гг.

Когда двухъ чеченцевъ, особенно отличившихся своею храбростью, спросили жители ихъ аула: “знають ли они кого-либо, кто можетъ превзойти ихъ въ отвагѣ и мужествѣ?” — они, не задумываясь, отвѣтили:

«Если Вы хотите видѣть дѣйствительно храбраго человѣка, то побѣжайте въ станцу Черноярскую. Тамъ живетъ Терскій казакъ-осетинъ, Эльмурза Мистуловъ. Высокій ростомъ, тонкій въ талии и широкій въ плечахъ — онъ особенно удивлялъ насъ своею храбростью.»

При этомъ они рассказали объ его исключительномъ военномъ подвигѣ въ Русско-японскую войну 1904-05 гг., когда были подъ его командованіемъ въ сотнѣ Терско-Кубанскаго коннаго полка, составленномъ изъ горцевъ Кубани и Терека (журналъ “Терскій казакъ” № 9, за декабрь мѣсяць 1936 г., изданный въ Бѣлградѣ).

Объ этомъ подвигѣ Сотника Мистулова сдѣлалъ намъ юнкерамъ, докладъ Командиръ сотни юнкеровъ Оренбургскаго казачьяго училища, Есаулъ Бочаровъ, его бывший и младшій однополчанинъ по 1-му Волжскому полку, въ день праздника Георгіевскихъ кавалеровъ 26-го ноября 1910 г. На этомъ докладѣ присутствовалъ со своимъ небольшимъ штабомъ Августѣйшій Инспекторъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, Великій Князь Константинъ Константиновичъ, инспектирующій училище. Докладъ былъ подъ заглавіемъ:

“Психологическая сила удара казачьей шашки (сабли)”.

Резюмируя рассказъ этихъ двухъ чеченцевъ и докладъ Есаула Бочарова — суть подвига Сотника Эльмурзы Мистулова заключалась не только что въ безумной личной храбрости, но и въ его высоко-благородномъ воинскомъ чувствѣ долга, какъ “выручка въ бою своего товарища - офицера”.

Развѣздъ горцевъ, высланный Мистуловымъ, напоролся на японцевъ и на мѣстѣ схватки — оставилъ тѣло своего офицера, корнета князя Эльдарова. Узнавъ объ этомъ, Мистуловъ, съ нѣсколькими всадниками, бросился на выручку. Скакавшіе за нимъ всадники отстали и настигли его уже въ рукопашной схваткѣ съ японцами и покры-

таго кровью. Увертливые японскіе солдаты, присѣдая и защищаясь ружьями противъ смертоносныхъ шашечныхъ ударовъ Мистулова, старались достать его штыками снизу. Отъ сильного удара по винтовкѣ одного изъ нихъ, у Мистулова сломался клинокъ шашки “Гурда” у самой рукоятки. Какъ истый горецъ, онъ инстинктивно рукою бросился къ книжалу, но еще раньше пуля японца пересѣкла его поясъ съ раненіемъ въ животъ и книжаль утерянъ. Бросился рукою къ кобурѣ за револьверомъ, но кобура также была утеряна вмѣстѣ съ поясомъ и книжаломъ и лишь самъ револьверъ “на шнурѣ” гдѣ-то болтался сбоку. Онъ быстро подхватилъ его и сталъ стрѣлять въ упоръ. Подоспѣвшіе всадники dokonчили эту необычайную кровавую схватку, плѣнивъ оставшихся въ живыхъ японцевъ. Побѣда горцевъ была полная, но она досталась имъ дорогою цѣною: 4 горца было убито и многіе ранены: самъ Мистуловъ раненъ пулею въ животъ и получилъ 3 штыковыхъ раны.

Перевязавъ животъ башлыкемъ, съ тѣломъ убитаго князя Эльдарова и съ плѣнными японцами — Мистуловъ вернулся къ своей сотнѣ.

За этотъ исключительный подвигъ, онъ былъ награжденъ Орденомъ Св. Георгія 4-й степени. Офицеры полка, въ знакъ глубокаго восхищенія его боевымъ подвигомъ и выручкою тѣла своего товарища-офицера, какъ бы въ возмѣщеніе потеряннаго въ этомъ бою Мистуловымъ своего оружія, преподнесли ему шашку, книжаль съ поясомъ и газыри, въ массивной серебряной оправѣ съ позолотою, при надписи:

“За геройскій славный подвигъ отъ сослуживцевъ Терекско-Кубанскаго полка”

Всадники-же осетины преподнесли серебряный портсигаръ съ надписью золотою вязью:

“Храброму воину Эльмурзѣ отъ осетинъ Кавказа”.

Русско-японскую войну Мистуловъ закончилъ чиномъ Есаула, и, какъ прославленный герой, получившій абсолютно всѣ боевые ордена по своему чину обер-офицера, до Св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ, “Золотою оружія” и офицерскаго Георгія включительно — былъ представленъ самому Императору Николаю Александровичу въ Петербургѣ.

Назначенный въ 1-й Горско-Моздовскій полкъ въ г. Ольты на Турецкой границѣ — онъ тамъ принялъ въ командованіе сотню, которая, на состязаніи полковъ 1-й Кавказской казачьей дивизіи получила “первенство за молодецкую рубку.”

Въ 1912 г., въ чинѣ Войскового Старшины, былъ назначенъ Помощникомъ Командира полка по строевой части въ 1-й Кизляр-

Гребенской Генерала Ермолова полкъ, находившийся въ Перси, который велъ борьбу на сторонѣ Шаха противъ возставшаго Курднскаго воинственнаго племени “шахсеновъ”.

Въ 1914 г., во главѣ 2-го Сунженско-Владикавказскаго (льготнаго) полка своего Войска, выступилъ на юго-западный фронтъ. Отсюда начинаются его новые боевые лавры въ должности уже большого и отвѣтственнаго военачальника.

Съ особеннымъ, какимъ то, очарованно-влюбленнымъ чувствомъ отзываются о немъ Терцы за это время:

«Съ помощью бинокля, не трудно было отыскать въ бою этого легендарнаго героя — Полковника Мистулова. Его статная фигура на поджаромъ, горбоносомъ кабардинцѣ — не терялась даже и подъ буркою. За нимъ, въ черномъ чехлѣ, слѣдовалъ Полковой Штабартъ, подъ охраною звзда казаковъ» — пишетъ о немъ одинъ Терецъ.

«Заколдованный Рыцарь» — вторитъ другой Терецъ.

«Тамъ, гдѣ нужна была примѣрная храбрость съ отвагою офицера, чтобы устрашить противника и воодушевить свои войска — тамъ, на конѣ, впереди нихъ, въ бѣлой папахѣ, появлялась высокая стройная фигура Мистулова съ озабоченнымъ и умнымъ лицомъ» — подчеркиваетъ 3-й Терецъ.

Это Мистуловъ въ боевой обстановкѣ. А вотъ онъ въ мирной, по отзыву его однополчанина и друга:

«Вѣжливый и пріятельный въ обращеніи, любезный со всѣми — онъ въ каждомъ человѣкѣ уважалъ его личность и всегда щадилъ чужое самолюбіе, но былъ спартакски строгъ и требователенъ къ самому себѣ. Онъ, буквально, не имѣлъ враговъ и всюду являлся желаннымъ гостемъ. Гдѣ-бы не появлялся Эльмурза — на полевыхъ лн, семейныхъ ли вечеринкахъ, пріятельскихъ ли пирушкахъ или въ частныхъ домахъ — онъ вездѣ былъ украшеніемъ, всюду вносилъ миръ, добро и веселіе.

Все это написано о немъ въ журналахъ Терскаго казачьяго Войска.

**

Какъ сказано раньше — имѣя всѣ боевыя награды еще съ Русско-японской кампаніи — здѣсь онъ награждается Орденомъ Св. Владиміра 3-й степени съ мечами и получаетъ три “Монаршихъ Благоволенія”. По своему чину и должности, онъ уже не имѣлъ правъ на пр. высшія награды, а только “повышеніе по службѣ”. Онъ командовалъ “льготнымъ”, полкомъ, т. е. — подлежащимъ демобилизаціи послѣ войны, слѣдовательно, его ждало назначеніе на постъ Командира “перво-очереднаго” полка. Онъ и былъ назначенъ. Нашъ полкъ былъ вакантный. Телеграмма изъ Тифлиса, изъ Ставки Главнокомандующаго Кавказской Арміи, Великаго Князя Николая Николаевича, коротко говорила:

«Командиромъ 1-го Кавказскаго полка Кубанскаго казачьяго Войска назначается Терекій казакъ Полковникъ Мистуловъ.»

Нашъ полкъ былъ на Турецкомъ фронтѣ. Мы ждали назначенія къ намъ нашего кровнаго Кубанскаго казака - Полковника и, вдругъ, — вновь назначенный Терекій казакъ и, судя по фамиліи, го-

рець. Мы были огорчены и задѣты въ своей Войсковой гордости. Къ тому же, Мистулова никто ихъ офицеровъ не зналъ. И только у меня, гдѣ-то глубоко-глубоко внутри себя, но какъ-то очень смутно, мелькнула отрадная мысль: “не будетъ ли это тотъ Сотникъ Мистуловъ, герой въ Русско-японскую войну, о которомъ читалъ намъ такой интересный докладъ въ Военномъ училищѣ Есауль Бочаров?”

**

Изъ Сары-Камыша, полкъ былъ спѣшно вызванъ вновь къ Эрзеруму. Въ три большихъ перехода по горамъ — мы были въ немъ. Назначена “дневка”. Новаго Командира полка ждали не ранѣе какъ черезъ мѣсяць, т. к. знали, что онъ ѣдетъ “изъ Россіи”, съ юго-западнаго фронта и, естественно, возьметъ отпускъ и заѣдетъ въ свою станицу.

Но мы ошиблись, т. к. еще не знали Полковника Мистулова.

Далеко за полночь скачу по темнымъ, узкимъ и кривымъ улочкамъ Эрзерума въ гостиницу “Франція”, т. к. полковаго Адъютанта вызываетъ “новый Командиръ полка”. Въ мрачномъ корридорѣ гостиницы меня уже ждетъ старшій полковой писарь еще съ мирнаго времени, умняга, съ вахмистерскимъ “басономъ” Н. П. Халанскій и таинственно, преданно, шопотомъ докладываетъ:

“Ваше Благородіе... я прибѣжалъ со спискомъ г.г. офицеровъ, можетъ быть, новый Командиръ полка его потребуесть...”

Старый служака Халанскій — не ошибся.

Постучавъ въ маленькую дверь, я громко произношу: “Господинъ Полковникъ, разрѣшите войти?” — и, получивъ утвердительный отвѣтъ — вхожу.

Въ темно-синей черкескѣ фабричнаго сукна на-распашку поверхъ длиннаго, чернаго кашемира, бешмета, застегнутаго на всѣ “гузики”, съ очень блѣднымъ и уставшимъ, крупныхъ чертъ, лицомъ, съ темно-рыжими усами, у маленькаго столика сидѣлъ сухой, съ высокой таліей “онъ” — нашъ Командиръ полка; облокотившись на руку, онъ о чемъ-то думалъ.

“Господинъ Полковникъ, Адъютантъ 1-го Кавказскаго полка Хорунжій Елисеѣвъ — представляюсь”... отпортовалъ я, остановившись посреди комнаты.

При первыхъ словахъ моего рапорта, Полковникъ Мистуловъ, привыкшій повелѣвать, немедленно всталъ со стула, взявъ положеніе “смирно” и, выслушавъ рапортъ, молча смотрѣлъ на меня, явно изучая своего будущаго Адъютанта. Затѣмъ, чисто по мусульмански, слегка наклонивъ впередъ свою высокую стройную фигуру, — подаль руку.

Я молчалъ, т. к. молчалъ и онъ. Это продолжалось, можетъ

быть, поль-минуты, но это время показалось мнѣ, молодому офицеру передь своимъ новымъ и невѣдомымъ Командиромъ полка, старшимъ меня по лѣтамъ ровно на 24 года — очень томительнымъ. Не садясь и все время смотря на меня въ глаза, онъ спросилъ, вѣрнѣе, онъ про- рзнесъ “первыя свои слова” въ его новомъ полку:

“Какъ Ваше имя и отчество?”

Я назвалъ.

“Феодоръ Ивановичъ, сможете ли Вы показать мнѣ полный списокъ г. г. офицеровъ полка съ указаніемъ полученныхъ боевыхъ наградъ, по чинамъ и по должности?”

Онъ произнесъ это такимъ вѣжливымъ тономъ, словно я ему и не былъ подчиненъ. Кромѣ того, въ интонаціи его голоса, въ его осан- кѣ, въ его естественной вѣшной аккуратности — былъ ярко выраженъ благородный горецъ Кавказа, который сразу же подкунал того, съ кѣмъ онъ говорилъ.

Вслухъ читая списокъ офицеровъ, онъ внимательно останавливался надъ фамиліей каждаго, словно “забуривалъ” ее, спрашивая съ имѣющихся у нихъ боевыхъ орденахъ и краткую аттестацію.

Съ этого дня онъ всѣхъ офицеровъ полка называлъ, неиз- мѣнно, только по имени и отчеству. А на утро слѣдующаго дня онъ представился “своему полку”. Именно — онъ представлялся, а не наоборотъ.

Стояла исключительная слякоть-непогодъ. Снѣгъ еще не сошелъ полностью. Чуть моросилъ не то дождь, не то снѣгъ. Висѣли низко темно-сѣрыя тучи. Въ сѣрыхъ черкескахъ, въ непрезентабель- номъ для глаза походномъ видѣ, за стѣнами древнѣйшей крѣпости Эр- зерума, въ резервной колоннѣ, тысячеконный нашъ полкъ ждалъ сво- его новаго Командира.

На очень приткомъ конѣ-кабардинцѣ, въ своей темно-синей черкескѣ при дорогомъ Кавказскомъ оружіи съ позолотою, вихремъ подлетѣлъ онъ къ полку, въ три прыжка осадилъ своего коня, блеснулъ елинокъ своей пашки вверхъ и очень громко, внятно и, какъ то, гор- танно, произнесъ:

“Здо-ро-во слав-ный Кавказ-скій по-олкъ!”

Это было такъ неожиданно и такъ красиво, что полкъ въ ты- сячу своихъ голосовъ, особенно компактно и, словно, эхомъ отвѣтилъ ему съ радостью въ своихъ глазахъ и сердцахъ. Сказавъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, Мистуловъ шагомъ, молча, проѣхалъ по всѣмъ рядамъ 24-хъ взводовъ полка, опытнымъ глазомъ боевого офицера изу- чая казаковъ, лошадей, сѣдловку, выюкъ. Молодецкій нашъ перво- счередной полкъ, не забывъ и на войнѣ, что “фронтъ есть святое мѣ- сто” — замеръ въ строю, излучая только радость глазами, сразу же

оцѣнивъ Орла-Командира, такъ необычно представившагося полку, какъ и такъ нарядно одѣтаго для войны, да еще на турецкомъ фронтѣ.

Это было 15-го мая 1916 г. Мистулову шель 47-й годъ отъ рожденія. Онъ былъ холостъ.

Спартанецъ и спортсменъ — онъ прибылъ къ намъ съ единственнымъ коннымъ вѣстовымъ, казакомъ-осетинцемъ Батарбекомъ, при одной заводной лошади. Весь его “Командирскій багажъ” помѣщался въ обыкновенныхъ казачьихъ сумахъ. Съ двумя лошадьми — это и было все его богатство.

Безсеребряникъ въ жизни, онъ былъ исключительный по скромности человекъ.

Съ этого памятнаго для насъ дня, началась новая и исключительно интересная и пріятная во всѣхъ отношеніяхъ жизнь и боевая работа полка, совершенно не похожая на предыдущую.

Полкъ буквально переродился. Мистуловъ сразу же очаровалъ и заворожилъ казачью душу, да такъ, что она подъ его вихрь-водительствомъ, съ гордостью и улыбкою на устахъ шла въ атаку на очень стойкую турецкую пѣхоту, т. к. Мистуловъ бывалъ только впереди всѣхъ — фанатично храбрый, фатально спокойный, какимъ могутъ быть только высокоблагородные горцы Кавказа.

Въ этотъ же день полкъ выступилъ на фронтъ. Началась 2-я Мема-Хатунская операція. Начались бои съ турецкой пѣхотою. И будь то три, двѣ, одна сотня въ цѣпи — Мистуловъ обязательно профдѣтъ къ нимъ, и шагомъ, верхомъ, пройдетъ вдоль линіи фронта, потомъ остановится, сойдетъ съ сѣдла, сядетъ на камень въ профиль къ противнику и скажетъ:

“Ф. И., — пишите донесеніе.”

Турецкія пули свистятъ надъ головою, дѣлаютъ рикошеты, а я пишу подъ диктовку и думаю: вотъ сейчасъ — не только что пуля по прицѣлу турка, но и шальная — легко можетъ “сковернуть” его съ камня, и даже пробить ему голову.

Наши конные вѣстовые, присѣвъ на корточки, держатъ лошадей чуть въ сторонѣ отъ насъ, а лошади, при каждомъ взвизгѣ пули, прядутъ ушами, коротко вздрагиваютъ и нервно подбираютъ свои животы.

**

28-го іюня наша пѣхота втянулась въ жаркій бой съ турками за вторичное обладаніе городомъ Мема-Хатуномъ. Полку приказано быть въ непосредственной близости къ пѣхотнымъ цѣпямъ и быть наготовѣ. Бой кипѣлъ. Шла сплошная трескотня ружей. Сильно “стучали” пулеметы. Мистуловъ, молча и сосредоточенно, смотрѣлъ только впередъ. Чутьемъ непытаннаго воина онъ понималъ, что моральный пере-

вѣсь боя перешелъ на нашу сторону. И, какъ стоялъ полкъ на узкой проселочной и каменистой дорогѣ “въ колоннѣ по три” — онъ схватилъ его и бросился впередъ сразу же широкимъ наметомъ (галопомъ).

Заскрежетали камни подъ копытами 800 коней полка. Гুলъ движенія быстро несущейся массы конницы окрылили нашу пѣхоту. Полкъ уже впереди нея. Весь огонь турки перенесли на казаковъ. Въ котловинѣ показался этотъ незначительный городокъ-село. Въ него, первымъ, несся самъ Мистуловъ, не имѣя впереди себя даже и дозоровъ. Городъ уже позади насъ. За нимъ лощинка, совершенно открытое мѣсто. Вотъ тутъ то турки насъ, словно, и ждали, “какъ куропатокъ на перелетѣ”, строча казаковъ все время во флангъ, съ горь, что за пересохшей рѣчкой, съ юга, въ 400-500 шагахъ отъ насъ. Турки, оставивъ нашу пѣхоту, весь свой огонь сосредоточили по головѣ полка. Впереди была полная неизвѣстность. Къ тому же дорога уклонялась еще ближе къ позиціи турокъ. И нашъ доблестный Командиръ, повернувъ своего коня облически вправо отъ дороги, карьеромъ бросился подъ единственный отрожекъ невысокаго кряжа. Тѣ, кто скакалъ непосредственно за нимъ — послѣдовали его примѣру. Со своими вѣстовыми мы почти одновременно прыгнули съ сѣделъ и когда его личный вѣстовой хотѣлъ схватить поводъ коня своего Командира — пуля турка пробила ему лѣвую грудь и онъ былъ убитъ на-поваль. Головная сотня, слѣдуя также карьеромъ, сорвалась съ лошадей и залегла. Остальные пять сотенъ, не выдержавъ огня турокъ, были сбиты въ сторону, перевалили черезъ хребтикъ и продолжали свой путь впередъ. Съ высотъ кряжа, туркамъ все это видно было, какъ у себя на ладони. Храбрая русская пѣхота (153-й Бакинскій полкъ 39-ой пѣхотной дивизіи), поднялась въ цѣпяхъ и слѣдно послѣдовала за казаками. Она быстро достигла города, заняла его восточныя окраины, своимъ огнемъ сбила турокъ съ высотъ и закрѣпила за собою городъ, какъ вѣнецъ боя.

Эта исключительно отважная конная атака навсегда осталась не только что въ памяти всего полка, но и въ памяти этого храбрѣйшаго воина, каковымъ былъ Мистуловъ. Вспоминая о ней потомъ, онъ какъ то особенно улыбался, словно говорилъ: такихъ атакъ и у него еще не было.

Послѣ взятія Мема-Хатуна — началась Эрзинджанская операція. Нашей 1-й конной бригадѣ (бывшей Закаспійской казачьей) приказано оставить всѣ обозы и артиллерію, перейти хребты на сѣверъ, повернуть на западъ и дѣйствовать въ стыкѣ 1-го Кавказскаго корпуса Генерала Калитина и 2-го Туркестанскаго Генерала Пржевальскаго.

По бездорожью, по сплошнымъ кряжамъ, безъ подвоза продук-

товъ и фуража, по району полностью покинутому жителями-турками со всѣмъ своимъ скарбомъ — ровно двѣ недѣли велись ежедневные бои съ отступающею храброю турецкою пѣхотою. 17-го іюля бригада проникла въ тылъ турецкимъ войскамъ и, въ 30-ти верстахъ западнѣе города Эрзинджана, перерѣзала единственное ихъ шоссе на Сивасъ.

Обѣ эти операціи безъ перерыва продолжались ровно два мѣсяца. Мы всѣ были утомлены и истрепаны, въ особенности, въ конскомъ составѣ. Но всѣ мы были награждены боевыми орденами, произведены въ слѣдующіе чины “за выслугу лѣтъ на фронтѣ”, и удовлетворены. Мистуловъ же, проведшій всѣ бои во главѣ полка, дававшій намъ примѣръ и образецъ во всемъ — онъ ни чѣмъ не былъ награжденъ, т. к. по своему чину и должности уже все имѣлъ.

**

Операціи окончились. Наша 5-я Кавказская казачья дивизія была оттянута къ Эрзеруму. Командиръ корпуса Генераль-отъ-кавалеріи П. П. Калитинъ, взявшій со своимъ корпусомъ Эрзерумъ, Мемахатунъ и Эрзинджанъ, въ знакъ своей благодарности казачьимъ полкамъ, пригласилъ къ себѣ на пикникъ всѣхъ г. г. офицеровъ дивизіи, начиная отъ командировъ сотенъ и выше. До Русско-Японской войны, Калитинъ командовалъ 1-мъ Волжскимъ полкомъ Терскаго Войска, когда Мистуловъ былъ въ немъ еще молодымъ офицеромъ. Калитинъ еще тогда очень любилъ Мистулова и, какъ сына, называлъ его только по имени “Эльмурза” и на ”ты“. Гремѣлъ хоръ трубачей-Кавказцевъ; имъ вторили пѣсельники полка. Послѣ многихъ тостовъ разныхъ военачальниковъ, старый лѣтми и маститый тѣломъ, Генераль Калитинъ грузно поднялся со стула, медленно обвелъ глазами Генералитетъ и остановившись на Полковникѣ Мистуловѣ, онъ, съ какою то затаенною любовью къ нему, сказалъ о немъ короткую рѣчь, закончивъ слѣдующими словами: “Тебѣ Эльмурза — стало уже тѣсно въ рамкахъ полка. . . Тебя ждетъ новое поприще на болѣе высокой должности. . . Я радуюсь за тебя”.

**

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ наша дивизія была переброшена на отдыхъ въ районъ Карса. Начался спѣшный и усиленный “ремонтъ полка”. Мистуловъ и здѣсь, въ мирной обстановкѣ, словно дирижеръ съ волшебной палочкой — все видитъ, все знаетъ, во все вникаетъ и всѣхъ поощряетъ къ работѣ только силою своего личнаго обаянія. Онъ уже давно вошелъ въ наши души, какъ “полковой богъ”. И вотъ тутъ то, когда мы мечтали о новыхъ боевыхъ дѣйствіяхъ подъ его разумнымъ и смѣлымъ руководствомъ — его вызвали отъ насъ на высшій постъ.

Проводы его были необычайны. Въмѣсто радости и веселья — на прощальномъ офицерскомъ обѣдѣ была сплошная грусть. Очень со-

средоточень и молчаливъ былъ и самъ Мистуловъ. Его великая душа, видимо, предчувствовала, что онъ разстается съ нами “навсегда” и никого изъ насъ онъ уже не увидитъ на этомъ Свѣтѣ. У его замѣстителя, Войскового Старшины Калугина, подносявшаго ему отъ г. г. офицеровъ серебряный сервизъ съ “факсимиле”, во время рѣчи остановился голосъ и слеза ударила въ глаза. Мертвенно-блѣдный Мистуловъ, въ волненіи отвѣчая намъ, сказалъ:

«Я Терскій казакъ... Я боязливо ѣхалъ принимать полкъ другого Войска, мало зная его и совершенно не зная Вашего полка. Теперь же, съ грустью покидая Васъ, подчеркиваю Вамъ, что такой доблести казаковъ и такой сплоченной офицерской семьи, какъ у Васъ — я еще не встрѣчалъ въ другихъ полкахъ. Моя душа навсегда останется здѣсь, въ 1-мъ Кавказскомъ полку, съ Вами...»

И ушелъ, уѣхалъ, улетѣлъ отъ насъ “нашъ полковой богъ”, Рыцарь безъ страха и упрека, храбрѣйшій изъ храбрыхъ воиновъ, и на душѣ у всѣхъ въ полку стало безконечно грустно и... пусто.

Это было въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца 1917 года. Онъ уѣхалъ на Западный фронтъ. Въ пути его настигло производство въ Генераль-майоры. Послѣ революціи, по личному желанію, онъ былъ переведенъ въ Персію, въ Отдѣльный Кавказскій кавалерійскій корпусъ Генерала Баратова. Послѣ большевицкаго переворота вернулся на Терекъ и поселился въ своей родной станицѣ, Черноярской. Здѣсь и застали его грозныя событія, развернувшіяся въ Войскѣ лѣтомъ 1918 года.

Терское Войско, какъ и всѣ Казачьи Войска, не признало красной власти. Началась с нею борьба. Послѣ ареста красными Командующаго Терскими войсками, полковника Бочарова, на его мѣсто, въ іюль мѣсяцѣ, былъ избранъ Генераль Мистуловъ.

Судьба, такъ долго оберегавшая его во многочисленныхъ бояхъ трехъ войнъ — Боксерскаго возстанія въ Китаѣ в 1900 г., въ Русско-Японской 1904 05 и Великой войнѣ 1914-17 г.г. — фатально стала преслѣдовать его: въ 1-й же день боя — онъ былъ тяжело раненъ въ шею; пуля прошла у сонной артеріи. Выздоровѣвъ, онъ вернулся въ строй. Болѣе 4-хъ мѣсяцевъ Терскіе казаки и сочувствующіе имъ горцы вели неравную борьбу съ красными, которые занимали всѣ города Войска. Къ ноябрю мѣсяцу 1918 года, Добровольческая армія Генерала Деникина, съ Кубанскими конными дивизіями и Пластунскими бригадами, очистивъ отъ красныхъ полностью “всю Кубань” и часть Ставрополя — успѣшно тѣснила Сѣверо-Кавказскую красную армію вдоль желѣзно-дорожной линіи Минеральныя Воды, Георгіевскъ, Прохладная, Владикавказъ, Моздокъ. И эта, отступающая съ Кубани довольно стойкая, красная армія, уходя изъ подъ ударовъ побѣдныхъ Бѣлыхъ войскъ и ища спасенія, всюю своею массою навалились на истощенные, малочисленные и слабо вооруженные отряды Терскаго казачества и горцевъ

Терека.

Абсолютно не имѣя никакой живой связи съ Арміей Генерала Деникина, не зная, что дѣлается внѣ предѣловъ своего Войска, окруженный сплошнымъ кольцомъ красныхъ — Терскій фронтъ и безъ того растянутый — сталъ таять. . . Наступили холода. Появилась эпидемія тифа. И бесплодность дальнѣйшей борьбы, казалось, обрисовалась полностью.

И не выдержала горя и безпомощнаго положенія гордая и благородная душа Мистулова, храбрѣйшаго изъ храбрыхъ воиновъ. И когда былъ проигранъ послѣдній бой — онъ не сталъ искать себѣ спасенія, какъ во всю свою жизнь никогда не искалъ для себя земныхъ благъ. И рѣшеніе для себя онъ принялъ твердое и быстрое, какъ былъ всегда твердъ и рѣшителенъ въ бояхъ.

Отойдя съ отрядомъ въ станицу Прокладную, 9-го ноября ст. ст. 1918 г., въ станционномъ Правленіи, онъ пустилъ себѣ пулю въ голову. А чтобы смерть была бы “точно” — выстрѣлилъ себѣ въ ротъ.

Жуткое самоубійство, но — достойное Мистулова.

Из глубочайшаго уваженія къ своему Командиру — я не могу, не смѣю дать точную оцѣнку этому выдающемуся во всѣхъ отношеніяхъ Казачьему Генералу, да еще казаку и горцу другого Войска. Для характеристики же его, привожу отзывы высокоавторитетныхъ военачальниковъ о немъ.

Генераль П. Н. Красновъ, въ своемъ очеркѣ — “На внутреннемъ фронтѣ”, пишетъ о бунтѣ солдатъ на Западномъ фронтѣ послѣ революціи 1917 г., когда они убили Линдэ, комиссара фронта отъ Вр. Правительства:

«Въ помощь комиссару Линдэ я назначилъ 2-й Уманскій полкъ Кубанскаго Войска Полковника Огрызкова. Съ полкомъ пошелъ и Командиръ бригады — смѣлый и рѣшительный Кавказецъ, Генераль Мистуловъ» (стр. 105).

Генераль Деникинъ, въ “Очеркахъ Русской смуты”, отмѣчаетъ: «Командующимъ Терскимъ фронтомъ назначенъ, выздоровѣвшій послѣ раненія, Генераль Мистуловъ — человекъ высоко доблестный и честный» (стр. 105).

Но самую лучшую, самую глубокую и полностью исчерпывающую оцѣнку духовныхъ качествъ Мистулова даетъ его однополчанинъ по мирному времени, начальникъ одного изъ боевыхъ участковъ на терекѣ тогда въ 1918 году, ставшій потомъ Войсковымъ Атаманомъ Терскаго Войска, Генераль-лейтенантъ Вдовенко. Въ своей очень обстоятельномъ очеркѣ “Борьба Терскихъ казаковъ съ большевиками въ 1918 году”, помѣщенномъ въ журналѣ “Россія” № 11-й, издаваемомъ въ Парижѣ и посвященный Терскому Войску въ 1931-мъ году, онъ пишетъ:

«Смерть Генерала Мистулова — очень гяжелая потеря для Войска, человека исклю-

чительной храбрости и благородства, прекраснаго товарища, котораго такъ все любили и уважали».

Эти слова Атамана Вдовенко исключительно теплы, какъ и справедливы.

Генераль Мистуловъ погибъ 49-ти лѣтъ отъ роду.

Надо ли писать о столь тяжкой уtratѣ для Терскаго Войска!?...

Въ 1919 году, въ разцвѣтѣ нашего побѣднаго движенія къ сердцу Россіи — этотъ рожденный воинъ, исключительно выдающійся по храбрости и инициативѣ конный Начальникъ — во главѣ Кубанскихъ и Терскихъ корпусовъ — не знаю — гдѣ бы онъ остановился. . .

Мусульманинъ по вѣрѣ, но на всѣхъ Церковныхъ службахъ полка — въ Турціи ли на каменистой площадкѣ, или на отдыхѣ полка подъ Карсомъ, въ молуканскомъ селеніи Владикарсѣ, за селомъ, на нашѣ — онъ всегда стоялъ впереди полка — высокій, стройный — какъ изваяніе. Онъ не осѣнялъ себя крестнымъ знаменемъ и не подходилъ “ко кресту” священника, но несомнѣнно: въ вѣрѣ Единому Богу, молился вмѣстѣ со своими подчиненными Православными казаками.

Въ 35-ти лѣтнюю годовщину его трагической гибели — помолимся о немъ кто, какъ можетъ.

Полковникъ ЕЛИСѢЕВЪ.

НАПИСАНЫ И ПРЕДПОЛАГАЮТСЯ КЪ ИЗДАНИЮ

СЛѢДУЮЩІЯ БРОШЮРЫ:

1. На берегахъ Кубани...
2. Въ "Храмъ Войсковой Славы".
(Казачьи полки на Турецкомъ фронтѣ въ 1914-17 г.г.).
3. Корниловскій Конный полкъ на Манычѣ въ 1919 г.
4. Съ Хоперцами отъ Воронежа и до Ростова въ 1919 году.
5. Лабинцы и послѣдніе дни на Кубани въ 1920 г.

Адресъ автора:

Mr. F. I. ELYSEEV

502 West 177 Street, Apt. 1 C

New York 33, N. Y.

U. S. A.

Н ь ю - 1 о р к ъ

1953 г.